

Арбузов Сергей Геннадьевич

кандидат экономических наук,
председатель Ассоциации «Центр исследований
экономического и социокультурного развития
стран СНГ, Центральной и Восточной Европы»

**СОЦИАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ
ОБЩЕСТВА КАК УГРОЗА
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
ГОСУДАРСТВА
(ПО МАТЕРИАЛАМ УКРАИНЫ)**

Аннотация:

В статье исследуются механизмы влияния социальной неоднородности общества на экономическую безопасность государства, обосновывается выбор доли населения, живущего за чертой бедности, в качестве показателя социальной неоднородности, используемого для оценки степени воздействия указанного фактора на безопасность. Приводятся результаты выполненного автором сравнительного анализа влияния расслоения общества на экономическую безопасность Украины, России и Германии.

Ключевые слова:

экономическая безопасность, социальные диспропорции, уровень бедности, кризис на Украине.

Arbuzov Sergey Gennadievich

PhD in Economics,
Chairman of Association "Centre for Research
into Economic and Sociocultural Upward
Enhancement of CIS Countries,
Central and Eastern Europe"

**SOCIAL DIFFERENTIATION
AS A THREAT OF
ECONOMIC SECURITY OF
THE COUNTRY (CASE STUDY OF
UKRAINE)**

Summary:

This article analyses, how social differentiation influences economic security of the state. The author justifies selection of the share of the population living below the poverty line as a social differentiation parameter, which is employed for assessment of the degree of the social differentiation impact on the state's economic security. The author presents the results of the original comparative analysis of the social differentiation impact on the economic security of Ukraine, Russia and Germany.

Keywords:

economic security, social disproportions, poverty line, Ukrainian crisis.

Строго говоря, социально однородных обществ никогда не было в истории человечества, их нет сегодня и они вряд ли возможны в будущем. Каждый человек обладает индивидуальными физическими и умственными способностями, различающимися факторами жизни, такими как уклад и условия проживания, собственной шкалой жизненных ценностей и т. д. Традиционно такие различия рассматриваются учеными как база расслоения общества, его стратификации и социального неравенства (по овладению собственностью, уровню дохода, наличию власти, качеству образования, престижу и т. д.) [1].

Угрозу устойчивости государства представляют не сами социальные диспропорции, а достижение ими критических значений, в частности пороговой величины неравенства доходов, которое в свою очередь провоцирует дифференциацию населения по иным факторам уровня жизни (например, по степени обеспеченности жильем, качеству и достаточности питания, объему сбережений и т. д.) [2]. Как правило, результатом высокого уровня социальных диспропорций являются такие негативные процессы, протекающие в обществе, как маргинализация, способствующая снижению уровня профессионализма, трудовых морали и мотивации в социуме, и люмпенизация со свойственными ей иждивенчеством и отвращением к производительному труду. Тотальная маргинализация, характеризующая практически полным отсутствием у всех социальных страт (в том числе элит) устойчивой социальной ниши, провоцирует криминализацию общества.

Крайним проявлением любых общественных противоречий, отсутствия согласия между людьми и группами с разными интересами и взглядами является социальный взрыв [3]. Объективно и субъективно обусловленные, кратковременные и долгосрочные, вызванные экономическими, политическими, духовными и другими причинами взрывы не раз в истории приводили к переворотам. Первой революцией, спровоцированной расслоением общества, можно считать Великую французскую революцию 1789 г. Октябрьская революция 1917 г. в России также свершилась при полной общественной поддержке (объединение рабочих и крестьян, переход армии на сторону революционных сил).

Уже в XXI в. произошел ряд переворотов, базой для которых также стало социальное расслоение: антидолларовый переворот в Эквадоре в 2000 г., антикоррупционный переворот на Филиппинах в 2001 г., «свержение во время саммита» в Центрально-Африканской Республике в 2003 г., зарплатный бунт в Гвинея-Бисау в 2003 г. и др.

Неравенство приводит к значительному ограничению объемов потребления продуктов и услуг населением, уменьшению инвестиционной активности. С течением времени расслоение продолжает углубляться, что неизменно приводит к непониманию между слоями и, соответственно, напряжению социальной обстановки в стране. Кроме того, неравенство негативно влияет непосредственно на человеческий капитал (ухудшается состояние здоровья граждан, в обществе снижается уровень культуры и образования и т. д.).

Результатами низкого уровня жизни являются сокращение трудовой активности населения, следовательно – производительности труда, уменьшение рождаемости, приводящее к демографическим кризисам. Все сказанное актуализирует проблему поддержки и сохранения человеческого потенциала населения региона, а не его развития.

Для оценки социальных диспропорций применяют множество показателей (децильный, квинтильный коэффициенты фондов, индекс Джинни и др.). Однако, как показывает исследование произошедших за последние 100 лет революций, в подавляющем большинстве случаев критическим является не сам факт социального расслоения общества и даже не его масштаб, а количество граждан, не имеющих материальных средств для элементарного выживания. Другими словами, если один из критериев социальной неоднородности – квинтильный коэффициент фондов (соотношение доходов 20 % наиболее и наименее обеспеченных жителей) – может быть использован для определения уровня устойчивости развития страны, то для анализа угроз потери экономической безопасности необходим другой показатель – доля населения, находящегося за чертой бедности.

С еще большей степенью очевидности этот вывод справедлив и в отношении угроз, порождаемых социальной дифференциацией общества. Измерение дифференциации – достаточно непростая сама по себе задача, сложность которой возрастает при необходимости применения результатов расчетов (наблюдений) для идентификации угроз экономической безопасности государства. Мы предлагаем для оценки угроз потери экономической безопасности использовать сведения о доли населения, находящегося за чертой бедности. Однако вопрос о том, какой уровень этого показателя является критическим, с неизбежностью влекущим социальный взрыв и, как следствие, потерю экономической безопасности, остается открытым. Для получения ответа на него необходимы специальные исследования, базирующиеся на огромном массиве данных о возникновении в разных странах ситуаций, характеризующихся как социальный взрыв. В рамках настоящей статьи представляется достаточным сопоставить состояние социальной дифференциации на Украине, в России и Германии (таблица 1 [4]).

Таблица 1 – Доля населения, живущего за чертой бедности, на Украине, в России и Германии в 2007–2015 гг., %

Государство	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Украина	39,8	25,6	15,5	15,6	13,7	14,1	13,4	14,3	17,0*
Россия	13,3	13,4	13	12,5	12,7	10,7	10,8	11,2	13,4
Германия	14,3	14,3	14,3	14,5	15,1	15,1	15,1	15,3	15,5

* Оценка осуществлена по официальной информации об изменении потребительских цен на Украине.

Необходимо отметить, что прямое сопоставление приведенных в таблице 1 данных невозможно в силу принципиальных различий методик определения черты бедности в рассматриваемых государствах. Так, в Германии порог бедности находится на уровне 60 % от среднего дохода [5], т. е. гражданин этой страны считается бедным, если его доход ниже 820 евро (в среднем за изучаемый период). В России и на Украине к бедным относятся граждане, среднемесячный доход которых ниже прожиточного минимума, устанавливаемого нормативным образом. В 2007–2015 гг. он составлял несоизмеримые с немецкими 100–150 евро.

Вместе с тем некоторые наиболее общие выводы о влиянии социальной дифференциации на экономическую безопасность Украины могут быть сделаны.

1. До недавнего времени социальная дифференциация на Украине находилась на достаточно низком уровне, однако события последних лет спровоцировали возрастание значений этого показателя, что требует повышенного внимания властей к проблеме преодоления бедности и сокращения доли людей с доходами ниже прожиточного минимума.

2. При этом и в Германии, и на Украине бедность постепенно начинает затрагивать не только пожилых людей, безработных, одиноких родителей, но и те группы населения, которые прежде относились к среднему классу. Однако если действующая в Германии система поддержки малоимущих Hartz-IV, в том числе «новых» бедных, считается лучшей в Европе, то на Украине такая помощь не развита. Это может стать одной из причин социального взрыва при показателях бедности, формально лучших, чем в Германии.

3. Последний вывод может быть усилен с учетом существенной территориальной асимметрии проблемы бедности. В отдельных областях доля населения с доходами ниже прожиточного минимума может не просто количественно превосходить средние по стране показатели, но и обеспечивать переход количества в качество, т. е. обуславливать возникновение локальной (региональной) социальной напряженности вплоть до социального взрыва [6]. Наиболее взрывоопасными с этой точки зрения являются Волынская, Ровенская и Тернопольская области Украины, где количество граждан с доходами ниже прожиточного минимума составляет более 30 %.

Ссылки и примечания:

1. Тихонова Н.Е. Социальный капитал как фактор неравенства // *Общественные науки и современность*. 2004. № 4. С. 24–35 ; Ярмоленко Л.В. Социальная стратификация: теории и реальность : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Казань, 1995. 18 с. ; Crompton R. *Class and Stratification*. 2nd ed. Cambridge, 1996. Ch. 1. P. 1–23 ; Portes A. *Social Capital: Its Origins and Applications in Modern Sociology* // *Annual Review of Sociology*. 1998. Vol. 24, iss. 1. P. 1–24.
2. Ноянзина О.Е., Гончарова Н.П. Социально-экономические и политические детерминанты риск-среды как эскалация угроз социальной безопасности // *Известия Алтайского государственного университета*. 2011. № 2. С. 236–240 ; Нюхня И.В. Бедность как угроза экономической безопасности государства: методические аспекты и системные реалии // *Социально-экономические явления и процессы*. 2015. № 10. С. 98–104.
3. Караткевич А.Г. Социальное неравенство как угроза политической стабильности и безопасности общества // *PolitBook*. 2014. № 4. С. 89–99 ; Фещенко П.Н. Социальная напряженность как аспект национальной безопасности. М., 2006. 167 с.
4. Составлено по данным Евростата (<http://ec.europa.eu/eurostat>), Росстата (<http://www.gks.ru>) и Укрстата (<http://www.ukrstat.gov.ua>). По Украине и России приведены сведения о доле граждан с денежными доходами ниже прожиточного минимума.
5. Измерение бедности и социальной интеграции в ЕС: достижения и дальнейшие улучшения [Электронный ресурс]. URL: http://www.unece.org/fileadmin/DAM/stats/documents/ece/ces/ge.15/2013/WP25_Eurostat_D_Rus_Final.pdf (дата обращения: 26.11.2016).
6. Ищенко М.М., Степнов И.М. Региональное управление неоднородными социально-экономическими системами. М., 2011. 186 с. ; Якушина Н.В. Управление социальной стратификацией общества: проблемы и тенденции : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Орел, 2001. 29 с.

References:

- Crompton, R 1996, *Class and Stratification*, 2nd ed., Cambridge, Ch. 1, pp. 1–23.
- Feshchenko, PN 2006, *Social tensions as an aspect of national security*, Moscow, 167 p., (in Russian).
- Ishchenko, MM & Stepnov, IM 2011, *Regional administration of heterogeneous social and economic systems*, Moscow, 186 p., (in Russian).
- Karatkevich, AG 2014, 'Social inequality as a threat to political stability and security of society', *PolitBook*, no. 4, pp. 89-99, (in Russian).
- Noyanzina, OE & Goncharova, NP 2011, 'Social, economic and political determinants of the risk environment as a threat escalation of social security', *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 2, pp. 236-240, (in Russian).
- Nyukhnya, IV 2015, 'Poverty as a threat to the economic security of the state: methodological aspects and system realities', *Sotsial'no-ekonomicheskiye yavleniya i protsessy*, no. 10, pp. 98-104, (in Russian).
- Portes, A 1998, 'Social Capital: Its Origins and Applications in Modern Sociology', *Annual Review of Sociology*, vol. 24, iss. 1, pp. 1–24.
- Tikhonova, NE 2004, 'Social capital as a factor of inequality', *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, no. 4, pp. 24-35, (in Russian).
- Yakushina, NV 2001, *Management of social stratification of society: issues and trends*, PhD in Social Science thesis abstract, Oryol, 29 p., (in Russian).
- Yarmolenko, LV 1995, *Social stratification: theories and reality*, PhD in Social Science thesis abstract, 18 p., (in Russian).